

ПОЛЕ ЗРЕНИЯ

Экраны
сцена -
- 1554 -
- 2-501 -
- с. 4

А помните — раньше, давно уже, когда был и самиздат, и тамиздат, книги давали на ночь? И даже не всегда из дома выпускали. Нет, этого я уже не застала сама, но слепые четвертые экземпляры и ксероксные, заботливо переплетенные книжки с пустыми страницами не только помню — кое-что и сейчас сохранилось, покажу ребенку,

Как слово наше отзовется

когда еще подрастет, попробую объяснить, как это было.

Первую из тех книг, о которых пойдет речь, я тоже читала в рукописи, правда, никто не торопил. Потом и ее, и следующие — уже изданными. Более того — они свои, домашние, никто не торопит, не отнимает. Но все равно — читала по ночам, вернее, начинала ночью, дочитывала с утра, отложив все дела, все забросив, а потом, не удержавшись, сразу бралась за следующий томик. Хорошо, книг всего четыре, со сборником стихов — пять. И пора, наверное, остановить на время этот лирический поток и назвать все-таки автора: Владимир Файнберг. И названия книг привести тоже давно пора: "Здесь и теперь" — первая книга трилогии, "Все детали этого путешествия" — вторая, "Скрижали" — третья.

Собственно, не знаю, почему это считается трилогией, потому что следующий роман, "Pafrida", ее продолжает, и герой тот же. И еще — повесть "Что случилось с тобой, мальчик?" и воспоминания об отце Александре Мене, которого Владимир Файнберг хорошо знал, был его другом, крестником, духовным сыном. Не стану пересказывать, сами прочтете, если вам интересно. Должен был выйти, уже обещан был читателям и следующий роман Файнберга — "Про тебя", но все остановилось. Более того — уже изданными книгами заниматься некому, никто их не рекламирует, никто не продает. Расходятся по друзьям, знакомым, передаются из рук в руки.

Конечно, я рада, я счастлива, что оказалась в этой цепочке, но очень уж она

недлиная и нешироко расходится. Пятитомник лежит сейчас у автора, он сам его распродает. Я напишу в конце, с его разрешения, номер его телефона, все, кто захочет, могут позвонить, договориться, купить книги. Да, собственно говоря, почему в конце? Раз уж сейчас об этом зашла речь — открывайте записные книжки на букву "Ф" — Файнберг — и пишите: 151-39-68, Владимир Львович. Дело не только и не столько в том, чтобы пристроить тираж, как ни странно, это сегодня прозвучит (спрашиваете, почему странно? Откройте любое "Книжное обозрение", просмотрите список бестселлеров недели), — и в то же время как это ни банально, но некоторые все еще продолжают писать книги, потому что им есть что сказать нам, важно быть услышанными.

Я давно уже делю книги прежде всего на теплые и холодные, пустые и наполненные живым присутствием. Все остальное — увлекательность сюжета, стиль, язык и прочие литературоведческие радости — отходят на второй план. Конечно, приятно, когда написано хорошо, но все равно — если от страниц книги не идет тепло, как от живого человека, рано или поздно ее закроешь с досадой и разочарованием. Здесь же это присутствие явственно настолько, что мое в конце концов состоявшееся личное знакомство с автором — хотя мне хотелось с ним встретиться — мало что прибавило. Он настолько открыт, так доверяется нам, что даже самых близких и давних друзей любой из нас, должно быть, знает хуже.

Сейчас много и часто говорят о духовном возрождении или упадке, о поисках путей, о религии... да вы все и сами это слышите и читаете ежедневно. В одиночку искать трудно, хочется к кому-то прибегнуть. Кому-то легче подчиниться веками сложившимся правилам, влиться в поток, без рассуждений принять готовое учение. Только не думайте, что я их осуждаю. Просто я — "другое дерево", помните, когда-то Елена Камбурова пела такую песню на слова Поженяна?

Много приходится говорить здесь о себе, но ничего больше не остается, я не вижу другого способа найти своих, дать понять тем, кто сходно думает и чувствует, что есть, существует то, чего мы ищем, есть человек, который к нам пробивается. Все мы знаем, видели современных интеллигентов, внезапно ударившихся в религию, поминутно спрашивающих совета и благословения у батюшки, и главным условием праведной жизни считающих неуклонное соблюдение постов. Все это хорошо, не спорю, но и не так уж трудно исполнять.

Куда труднее любить ближнего, который, будто нарочно, делает все, чтобы этому помешать. Труднее жить внимательно, сознательно, постоянно чувствовать, как все в мире связано. Трудно принимать собственное несовершенство и, наверное, еще труднее признавать это открыто.

Вот об этом и пишет Владимир Файнберг. Он не поучает и не рисует перед нами, не хвалится заслугами, не любит собственными недостатками, хотя пишет о себе откровенно. Он делится с нами тем, что добыл тяжелым духовным трудом и трудом души. Здесь нет ни на грош самолюбования и позы, есть только желание отдать, поделиться тем, что самому досталось так нелегко. А нам остается лишь принять этот дар.

Александра ВАСИЛЬКОВА